

Четвергъ 29-го Декабря 1916 г.

Обозрѣніе ТЕАТРОВЪ

Ежедневная газета съ программами
и либретто петроградскихъ театровъ

№ 3321

ЧЕХОВСКІЙ ОПЕРНЫЙ ТЕАТРЪ.

Въ Москвѣ въ оперной Студіи С. И. Замина поставлены три одноактныхъ оперы разныхъ композиторовъ, объединенныхъ именемъ Чехова. Въ смыслѣ чистой лирики Чеховъ врядъ ли дастъ благодарный для музыки матеріалъ. Зато легче перейти къ Чехову-юмористу. Съ этой стороны любопытна «Свадьба» В. Г. Эренберга, хотя, напр., критикъ «Рус. Вѣд.» Ю. Энгель не очень лестнаго мнѣнія о музыкальных качествахъ прѣвзвѣстнаго здѣсь композиторомъ юмора.

Композиторъ здѣсь также строитъ почти все на цитатахъ: подлинной свадебной и иной музыкѣ (кадрилли, марши, польки и т. д.), но все это какъ-то вытѣшне, слишкомъ отдаетъ фотографіей. Речитативы, звучащіе поверхъ этой музыки, сами по себѣ малоприятны; характеристики музыкальной почти нѣтъ. Есть, конечно, и кое-что остроумное. Но въ концѣ концовъ всѣ эти «цитаты», мало привлекательныя сами по себѣ, дѣлаются совсемъ неносимыми.

Сюжетъ «Хирургіи» (музыка г. Остроглазова) еще болѣе «музыкаленъ», чѣмъ сюжетъ «Свадьбы». Однако, музыка здѣсь ничего у Чехова не портитъ, нѣкоторые моменты дѣлаютъ даже острѣе, смѣхотворнѣе (особенно у дьячка; гораздо меньше у фельдшера). Но не претворяетъ Чехова такъ самостоятельно и ярко, чтобы заглушить вопль: да такъ ли ужъ нужно было дѣлать изъ «Хирургіи» оперу?

«Вѣдьма» Б. Яновскаго выходитъ за предѣлы комической оперы,—и по фигурамъ дѣйствующихъ лицъ (даже смѣшного дьячка), и по всей обстановкѣ дѣйствія. Особенно можно это сказать про самое «Вѣдьму» дьячиху, въ тупомъ лиризмѣ которой и у Чехова проскальзываютъ нотки трагическія. Многое здѣсь не только подается музыкѣ, но, можно сказать, проситъ ея (и именно тамъ, гдѣ Чеховъ всего скутнѣе на слова). На все это г. Яновскій сумѣлъ въ своей оперѣ откликнуться. И не только вытѣшне. Кромѣ сценической жизни умѣнія приспособиться къ дѣйствию въ его оперѣ чувствуется и непосредственность внутренняго переживанія. Эта непосредственность не вездѣ сочеталась съ соответственной же яркостью стили, но вездѣ придаетъ музыкѣ откровенно искренности, живой отзывчивости.

Теснѣя формы «Вѣдьмы» мелки, но стройны не случайно; музыкальный языкъ сравнительно простъ, но не захватанъ. Есть теплота въ

партіи Раисы, между прочимъ, и въ рисующемъ ее вступленіи къ оперѣ. Но сравненію съ этимъ «нейтральнымъ» вступленіемъ дальнѣйшая любовная мелодія ея (въ «оркестрѣ») кажется, пожалуй, слишкомъ для дѣячихи итальянски-оперной. Во всякомъ случаѣ, по мнѣнію того же критика, изъ трехъ чеховскихъ оперъ «Вѣдьма», несомнѣнно, наиболѣе симпатична, ибо наиболѣе художественно оправдана: композиторъ сумѣлъ здѣсь не только «использоваться» отъ Чехова, но больше всѣхъ къ нему и добавить.